

КОРРУПЦИЯ, АНТИКОРРУПЦИЯ И ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНОГО

(предисловие редакторов)

«Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, станут основой нашего благосостояния. Эта война справедливая: стереть дурное с лица земли значит верой и правдой послужить богу».

Мигель де Сервантес Сааведра,
«Хитроумный идалго
Дон Кихот Ламанчский»

Антропологический подход в изучении коррупции

К сожалению, утверждение, сделанное Джеймсом Скоттом почти полвека назад, об *«общем изменении перспективы»* в отношении коррупции *«от обвинений к анализу»*, и сегодня следует признать попыткой выдать желаемое за действительное. Даже в сфере социальных и общественных наук (не говоря о политике, экономике и международных отношениях) по-прежнему доминирует стигматизирующий дискурс в отношении коррупции. В целом ситуация скорее сходна с той, о которой говорит в своей статье Оливер де Сардан: *«Дело не идет дальше заявлений о принципах, патетических или гневных признаний и моралистических осуждений: социальные механизмы коррупции едва ли исследованы, не изучен и процесс ее легитимации с позиции участников»*. На этом фоне работы антропологов и некоторых социологов, испытавших влияние антропологической методологии, представляют приятное исключение. Именно желанием познакомить российского читателя с антропологической

традицией в исследовании коррупции, которая хорошо представлена в англоязычной литературе, но, к сожалению, мало известна в России, обусловлен выбор социально-антропологической перспективы для нашего сборника.

У каждой дисциплины свой подход к изучению коррупции. Нам представляется, что одна из главных особенностей социально-антропологического подхода состоит в принципиальном отсутствии заранее заданной точки зрения, обычно помещаемой в основу гипотезы, которую стремятся проверить эмпирически. При антропологическом подходе исследователь «открыт» для «поля», для новых, иногда самых неожиданных данных. Вторая важная характеристика антропологического подхода состоит в стремлении исследователя понять точку зрения участников тех событий, тех социальных феноменов, которые он изучает. Рассмотрение коррупции с позиций самих участников процесса является тем ключевым моментом, который позволяет исследователям увидеть данное явление совершенно в ином свете, приводит к нетривиальным, а иногда и просто парадоксальным выводам, разрушающим укоренившиеся в массовом (и научном) сознании привычные представления о коррупции. Третьей важной чертой является отказ от универсалистского понимания каких бы то ни было социальных, культурных или экономических явлений. Вместо этого антропологи склонны рассматривать обнаруженные ими социальные феномены в контексте того общества, где эти явления имеют место, с учетом присущих данному обществу представлений и интерпретаций. Можно добавить также, что антропологический подход — наиболее гуманистический, поскольку в качестве точки отсчета он позиционирует человека. Таким образом, благодаря своей специфике, антропологический подход в изучении коррупции позволяет расширить представление об этом феномене, выйти за рамки узкого идеологизированного дискурса, доминирующего сегодня в дискуссиях о коррупции. Возможности применения названных методологических принципов к исследованию коррупции блестяще продемонстрированы в статьях Тон Кристин Сиссенер, Оливера де Сардана и Герхарда Андерса, вошедших в этот сборник.

Помимо указанных особенностей, присущих антропологическому подходу, подбирая статьи для сборника, мы обращали

внимание на три основных момента — *эмпиризм, микроподход и релятивизм*. Все тексты, вошедшие в сборник, представляют собой не отвлеченные умозаключения и интеллектуальные спекуляции, но результаты эмпирических исследований, в основе которых лежит антропологический подход и соответствующая методология. Целью данного сборника, таким образом, является «...не разработка сквозных всеобъемлющих классификаций, в которые все равно невозможно упаковать все разновидности коррупции, но подробное эмпирическое описание и анализ отдельных «коррупций» из различных исследовательских перспектив»¹.

Еще одной важной отличительной чертой сборника является принципиальная ориентация на изучение и понимание *не-западных* обществ. Здесь представлены как ставшие классическими тексты о коррупции в странах третьего мира (в основном африканских), так и статьи, представляющие менее известные исследования коррупции в странах постсоветского пространства. Такой выбор не обусловлен ни антизападной позицией редакторов, ни их стремлением «намекнуть» на то, что сходство коррупции в развивающихся странах и в России «само собой разумеется»². Мы полагаем, что внимание к не-западным обществам в контексте изучения социальных, экономических и культурных отношений, стоящих за понятием «коррупция», помогает лучше понять исследуемый феномен. Так, авторы вошедших в сборник текстов поднимают вопрос о правомерности применения понятия «коррупция», сформировавшегося в Европе и США после 18 века в тесной связи с явлением «рациональной бюрократии», к не-западным обществам. Они указывают, что доминирование сегодня именно «западной» точки зрения на коррупцию вовсе не означает, будто она является единственно верной и универсальной для всех обществ. Как демонстрирует исследование Г. Андерса, в не-западных культурах отношение к использованию должностных позиций в личных целях «гораз-

¹ См. статью И. Олимпиевой в данном сборнике.

² Хотя сходство в способах и степени укорененности коррупционных практик и соответствующих социальных норм, а иногда и стоящих за ними логик иногда просто поразительно (см., например, статью Г. Андерса), и о его причинах стоит, вероятно, задуматься отдельно.

до более сложно и многослойно, нежели оно прописано в государственном законодательстве и директивах», заимствованных из европейской культуры. Придерживаясь той же точки зрения, Оливер де Сардан использует концепцию «моральной экономики» для анализа культурной укорененности коррупционных отношений в не-западных обществах и обнаруживает существование многочисленных «логик», объясняющих «коррупционное поведение» населения и чиновников и способствующих его рутинизации.

Еще одно преимущество избранной нами не-западной перспективы состоит в том, что она дает возможность по-другому взглянуть на понимание феномена коррупции в самих западных обществах. В частности, нам представляется, что релятивистская установка и расширение кругозора за счет внимания к странам «второго» и «третьего» мира позволяет развенчать некоторые распространенные мифы о коррупции

Мифология коррупции

Миф первый: принято считать, что определение коррупции — объективно, т.е. для того, чтобы утверждать, что где-то имеет место коррупция, достаточно обнаружить виды деятельности, которые включены в перечень коррупционных практик. Однако в реальности оказывается весьма сложно разделить коррупцию и свойственные людям «логики», которые «имеют некоторое „семейное сходство“ с практиками коррупционного типа, но не представляют собой коррупции в чистом виде» (де Сардан). Реальная жизнь намного сложнее любых возможных схем, поэтому «в действительности идентифицировать действия как коррупционные и установить их связь с обязательствами перед родней или с патрон-клиентскими отношениями достаточно сложно» (Андерс).

К первому мифу вплотную примыкает *второй:* в странах «второго» и «третьего» мира коррупции по определению больше, чем в странах «первого» мира. Распространенность данного мифа во многом объясняется издержками сравнительных межнациональных и диахронических исследований коррупции, на которые указывает в своей статье Джеймс Скотт. Так, например, «тайные гонорары за правительственные

контракты на снабжение в Рангуне 1955 года называют „коррупцией“, в то время как с подобных практик в Англии 19 века этот ярлык снимают». На примере различных государств Скотт также показывает, что бизнесмены добиваются одних и тех же целей (установления влияния на политическом уровне с целью лоббирования своих интересов) различными средствами, «коррупционность» которых определяется обществом в зависимости от ситуации. Влияние стигматизирующего эффекта рассматривается Клавсом Седлеником на примере стран «с переходной экономикой». Именно потому, что «всем известно», что в этих странах коррупции по определению больше, мы склонны применять термин «коррупция» для характеристики многих социально-экономических отношений, которые, будучи обнаруженными в странах «первого» мира, в категорию коррупционных не попадают.

Миф третий состоит в предположении, что наличие демократии и партийной системы автоматически обеспечивает меньший масштаб коррупции, нежели другие политические системы. Этот миф также подвергается развенчанию в представленных текстах. В статье Оливера де Сардана на примере сравнения ситуации в различных странах демонстрируется отсутствие корреляции между типом политического режима и уровнем коррупции. Джеймс Скотт, сравнивая политические системы африканских стран и демократические выборы в городских политических системах в США в 20 веке, показывает, что «партийная система легитимизирует отдельные модели влияния, которые могут проявляться лишь в форме коррупции при (нетрадиционной) бюрократии». К выводам о неоднозначности соотношения между «количеством» демократии и наличием коррупции приходит и Герхард Андерс, сравнивая уровень коррупции по оценкам населения Малави при аристократическом и демократически избранном правителе (оценки, заметим, свидетельствуют не в пользу последнего).

Одним из краеугольных камней, делающих возможным существование соответствующего «западного» дискурса о коррупции и придающих ему ауру объективности и научной обоснованности, являются коррупционные рейтинги. С ними связано еще одно заблуждение. Итак, *миф четвертый* состоит в том, что мировые рейтинги коррупции отражают реаль-

ное положение вещей¹. Хотя сторонники данной методики объясняют, что индекс отражает лишь мнение экспертов об уровне коррупции в той или иной стране, есть основания предполагать, что на эти заявления мало кто обращает внимания (в особенности среди не специалистов). В результате индексы воспринимаются именно как объективные показатели коррупции. Между тем, даже самый известный и авторитетный из этих индексов — CPI TI² — является не более чем индексом *восприятия* коррупции (ИВК). Создается впечатление, что как разработчики, так и потребители индексов исходят из предположения о существовании *прямой* связи между уровнем *озабоченности людей проблемами коррупции* и реальным положением дел. Однако помимо методологической специфики самого опроса, лежащего в основе вычисления индекса³, на позиционирование страны в рейтинге оказывает влия-

¹ В ответ на обычные возражения о невозможности измерения коррупционных практик, приведем любопытный пример исследования Фисмана и Мигеля, результаты которого противоречат наиболее известным рейтингам коррупции. Идея проекта состояла в том, чтобы отследить практику нарушения правил дорожного движения дипломатами в Нью-Йорке. Предполагалось, что, поскольку дипломаты всех стран могут нарушать правила ДД безнаказанно (они не обязаны оплачивать выписанные им штрафы), то их отношение к этим правилам отражает «культуру коррупции» в их стране. По результатам данного проекта рейтинг России оказался значительно лучше, чем рассчитанный с помощью традиционных методик. Если по данным международной организации Transparency International в мировом рейтинге по индексу восприятия коррупции Россия в прошлом году оказалась на 126-м месте из 159 возможных, а по индексу коррупции Всемирного банка (так называемый индекс Кауфманна) на 145-ом среди 206 фигурантов, то в данном исследовании Россия заняла 108-е место из 146 (в отличие от перечней TI и Всемирного банка, в данном рейтинге более высокая позиция соответствует более низкому уровню коррумпированности). Несмотря на то, что сделанные авторами исследования выводы предполагают массу неочевидных допущений (например, что отношение к закону отражает культуру коррупции или что отношение к закону, демонстрируемое дипломатами, усвоено ими в родной культуре и др.), сама идея попытаться изучить коррупцию на основании практики, а не мнений представляются весьма любопытными. См.: Fisman, Miguel, 2006.

² CPI TI — Corruption Perception Index, рассчитывается ежегодно международной организацией Transparency International по специально разработанной методике с последующим составлением рейтинга стран по уровню коррупции.

³ Критический обзор методик на русском языке см., например, в: Разнообразие стран и разнообразие коррупций. (Анализ сравнительных исследований). Аналитический доклад. Москва, 2001. Доступно на: <http://www.indem.ru/corrupt/parhom/index.htm>

ние огромное количество факторов, к реальному положению дел в области коррупции отношения не имеющих¹.

Пятый миф касается коррупции как предмета общественных дискуссий. Как точно заметил Стивен Сэмпсон, «довольно сложно определить, вырос ли в действительности за последнее время уровень коррупции, так как весьма трудно найти для нее какое-либо однозначное измерение. Зато с полной уверенностью можно сказать, что вырос общественный интерес к проблеме коррупции». В действительности дебаты о коррупции могут существовать совершенно независимо от коррупционных практик и не иметь к ним никакого отношения. Обсуждение проблемы коррупции представляет собой самостоятельное дискурсивное пространство, существующее по своим собственным правилам. Таким образом, мы, с одной стороны, имеем «мир антикоррупции», как его именует Стивен Сэмпсон, противостоящий миру коррупции и представляющий собой отношения вполне реальных акторов и набор мероприятий, не уступающих (если не превосходящих) по масштабу предполагаемый объект антикоррупционной борьбы. С другой стороны, мы имеем пространство *антикоррупционного дискурса* или *дискурса о коррупции*, которое обладает собственным онтологическим статусом, равнозначным статусу того, что принято называть «реальной жизнью» (в смысле действия, а не разговоров) и несколько не нуждается в том, чтобы иметь какой-либо коррелят в так называемой «объективной» реальности недискурсивных практик. Рассмотрим эти темы подробнее.

¹ Приведем два простейших примера таких факторов. Первый из них — принцип «замкнутого круга», когда эксперты, оценивающие уровень коррупции, попадают под влияние СМИ и других источников, публикующих оценки других экспертов: «Вы задаете респондентам вопросы о России, а газеты тем временем пишут о том, что Россия является одной из самых коррумпированных стран в мире. Это не может не влиять на их мнение» («Дипломаты, копы и коррупция»/«Ведомости», приложение Smart money: №35; 13.11 2006). Второй пример: международная геополитическая конъюнктура препятствует обвинениям в высоком уровне коррупции в адрес страны, финансирующей борьбу с коррупцией в мировом масштабе, — независимо от реального положения дел в этой стране. Даже в тех случаях, когда в этой стране вспыхивают скандалы, связанные со злоупотреблениями властью, слово «коррупция» при их освещении почти не используется. На наш взгляд, это один из ярких примеров тех «табу» мира антикоррупции, о которых пишет Стивен Сэмпсон.

Борьба с великанами, которых нет, или о Коррупции с большой буквы

В названии сборника используется цитата из интервью с женщиной-предпринимателем, в котором она говорит о том, что выступать против коррупции в России, особенно в одиночку, дело, безусловно, благородное, но обреченное на неудачу. *«Дон Кихот, конечно, тоже боролся с ветряными мельницами, — отмечает информантка, — но, к сожалению, приходится принимать то, что есть»*. Обычно образ Дон Кихота, борющегося с ветряными мельницами, используется в тех случаях, когда надо продемонстрировать тщетность чьих-либо усилий, невозможность воздействовать на объективно идущие процессы. Позволим себе, однако, напомнить, что Дон Кихот сражался с великанами, которые на поверку оказались мельницами. Таким образом, метафора, используемая для того, чтобы подчеркнуть бесполезность борьбы с коррупцией, показала нам чрезвычайно подходящей в силу своей многозначности. Она не только обладает трагически-героическим пафосом, но заставляет задуматься над тем, кто и с чем борется. Были ли у Дон Кихота шансы победить великанов? Вероятно, нет, по той простой причине, что великанов не существовало, точнее, они существовали лишь в воображении «хитроумного идалго». Эта ситуация, на наш взгляд, некоторым образом напоминает нынешнее положение в праведном деле борьбы с коррупцией.

В статье Стивена Сэмпсона рассматривается процесс конструирования в глобальном масштабе *«антикоррупционного мира со своими действующими лицами, стратегиями, ресурсами и практиками, со своими героями, жертвами и злодеями»*. Одновременно с возникновением и распространением этого мира формируется особое представление и об антагонистическом мире коррупции. Исследование способов формирования и функционирования этого комплекса представлений позволяют автору говорить о том, что *«антикоррупция есть также антикоррупционизм — идеология, основанная на понимании этики, честности, справедливости, морали и подотчетности»* (Сэмпсон). Однако благородство и мораль не препятствуют тому, что антикоррупционная идеология и риторика превращаются в широко используемый на всех уровнях власти инструмент достижения политических

целей и способ привлечения финансовых ресурсов. Многие серьезные экономические и политические проекты, вплоть до смены государственных режимов в некоторых странах, предпринимались и предпринимаются во имя борьбы с коррупцией, хотя на деле служат достижению интересов определенных властных групп, пишет Сэмпсон. Таким образом, понятие коррупции превратилось в политическую идеологию, так называемую «Коррупцию-с-большой-буквы»¹. И, по всем законам жанра, «Коррупции-с-большой-буквы» противостоит «Антикоррупция» — безусловно, тоже «с-большой-буквы».

Любопытно, что идеологическое наполнение термина заслонило собственно денотат: совершенно в духе постмодернизма участники антикоррупционной дискуссии существуют в мире сплошных коннотатов, и складывается впечатление, что они не особенно озабочены этим обстоятельством. Действительно, сбор эмпирических свидетельств коррупции чрезвычайно сложен (хотя, как демонстрируют вошедшие в сборник тексты — принципиально возможен), а непредвзятое рефлексивное осмысление этого эмпирического материала грозит поставить под сомнение не только универсальность используемых определений, но и саму концепцию. Следует признать, что в этой ситуации постмодернистский принцип манипуляции означающими при отсутствии потребности в означаемых подходит для создателей и активистов мира антикоррупции как нельзя лучше.

Интересно, что способы конструирования и применения антикоррупционной идеологии поразительным образом напоминают применение магии в традиционных обществах. В современном мире коррупцией (как колдовством в традиционных обществах) объясняют почти все несчастья, а обвинения в коррупции (в точности как обвинения в колдовстве у многих племен) звучат чаще других. При этом мало кто озабочен пониманием того, как собственно работают механизмы коррупции (-колдовства). Как демонстрирует нам Клавс Седленикс, при ближайшем рассмотрении оказывается, что *«хотя реальность существования коррупции на первый взгляд не вызывает сомнения, эта уверенность во многих случаях основана на таких же рациональных основаниях,*

¹ См. статью Ирины Олимпиевой в данном сборнике.

что и колдовство». Западный дискурс опирается на веру в реальность коррупции. В этом смысле, как ни парадоксально это звучит в эпоху модернизма, нынешняя вера «типичного европейца» в существование коррупции имеет под собой ничуть не больше (но и не меньше) оснований, чем вера членов племени азанде в магию: «Вера в коррупцию замаскирована рациональными объяснениями, но организована по нерациональному принципу».

Похоже, что мы, будучи жертвами глобального дискурса о коррупции и антикоррупции, пытаемся бороться с «великанами», не всегда отдавая себе отчет в том, что перед нами «мельницы». Между тем, успешность предпринимаемых действий напрямую зависит от понимания природы феномена, с которым мы имеем дело.

Между аффирмативным и рефлексивным знанием: дилемма антрополога

На примере исследования коррупции мы сталкиваемся с проблемой, характерной для современного социального знания вообще. Она заключается в том, чтобы перейти от беспристрастного и пристального изучения — которое, как правило, приводит к пониманию сложности и комплексности изучаемого явления — к практике. Не менее сложен и переход от практики, вызывающей неудовлетворенность, — к глубокому пониманию социального феномена, к чему и призывают ученые, в особенности релятивистки настроенные антропологи. Дело, однако, не в том, что антропологи должны заниматься решением проблемы коррупции (если такая проблема вообще существует), а в том, как использовать производимое ими знание. Как совместить потребность практиков в аффирмативном знании с рефлексивным знанием социальных ученых? Ловушка состоит в том, что рефлексивное знание сложно применять на практике — каждый раз именно на этапе перехода к практическим действиям приходится все больше удаляться от рефлексии, все чаще идти на компромисс. Один из эффективных способов перейти от обсуждения (пусть очень рефлексивного) к практике — отказаться от громоздких и чрезвычайно комплексных концептов в пользу более мелких, максимально связанных с конкретными

представлениями действиями и отношениями¹. Не станем утверждать, что наш сборник предлагает готовые практические антикоррупционные рецепты, однако об одном важном шаге речь в нем все же идет. Мы имеем в виду необходимость отказа от идеологем в пользу эмпирически обоснованных концепций, которые способствовали бы лучшему пониманию реальных человеческих представлений и отношений.

Еще одна ловушка состоит в том, что оппозиция «коррупция — антикоррупция» представляется бинарной и все возможные позиции якобы расположены на одном из этих полюсов. Даже для исследователя при таком раскладе не находится нейтральной позиции: как пишет Стивен Сампсон, «мы — те, кто изучает антикоррупцию — сами являемся частью мира антикоррупции». Нам, однако, представляется, что выход из этого, на первый взгляд, замкнутого круга скрыт именно за иллюзией бинарности. Предположение, что весь мир делится на «казаков и разбойников», на «красных и белых», на «наших и не наших» — неизбежная составная часть любой идеологии и уже поэтому не приемлемо для исследователя. Реальный мир сложнее бинарных оппозиций, в силу чего «плотное описание» всегда включает больше, чем две точки зрения². Тексты, вошедшие в наш сборник, недвусмысленно свидетельствуют о том, что смысл отношений, именуемых коррупционными, «выходит за пределы простых дихотомий, <...> которыми изобилуют неантропологические исследования феномена коррупции» (Андерс). Мы полагаем, что в навязываемом нам противостоянии «антикоррупция versus коррупции» возможна, как минимум, третья позиция, позволяющая выйти за предлагаемые рамки дихотомии, и что рефлексивное знание, присущее социальной антропологии (и не присущее ни коррупции, ни антикоррупции), дает социальному исследователю возможность занять данную позицию и изучать оба эти мира, не будучи их частью.

¹ Здесь следует упомянуть точку зрения Сэмсона, согласно которой Антикоррупция как идеология и как «мир» с самого начала создавалась «наверху» и лишь потом была «спущена на места»; таким образом, с самого начала антикоррупция была оторвана от эмпирики и отталкивалась от умозрительных заключений и идеологических постулатов.

² Даже простейшая гирцевская модель с «подмигивающими мальчиками» предполагает многоуровневую интерпретацию.

Литература

Fisman, Ray and Miguel, Edward (2006) Cultures of Corruption: Evidence from Diplomatic Parking Tickets. Columbia University and NBER University of California, Berkeley and NBER, 2006. http://elsa.berkeley.edu/~emiguel/miguel_parking.pdf

Олег Паченков, Ирина Олимпиаева